

15:03 17/12/2012
Екатерина СОСНИНА

Новосибирский драматург: «Шахтеры порой порядочнее, чем интеллигенты»

Юрий Мирошниченко считает, что русская классическая литература, призванная «сеять разумное, доброе, вечное», не прошла испытание...

Фото: из архива писателя

Для творчества не хватает... колбасы

nsk.aif.ru: - Юрий Анатольевич, Новосибирск, пожалуй, единственный нестоличный город, где проходят литературные фестивали. Совсем недавно вы стали участником традиционного в нашем городе фестиваля «Белое пятно». Писатели, поэты, публицисты, драматурги, приехавшие из разных городов, рассуждали, почему сегодня люди все меньше читают и почти не ходят в театр. А вы что думаете по этому поводу?

Ю.М.: - Я думаю, что во все времена были люди, которые читали книги и ходили в театр, а были те, для кого главными ценностями в жизни были колбаса, водка, селедка. Мне в связи с этим вспоминаются два забавных эпизода из советской действительности.

Первый связан с Пушкиным. Был очередной юбилей поэта, который праздновали очень помпезно. На радио, на телевидении все время звучало: «Пушкин, Пушкин...». Как раз в этот день я приехал на свою родную шахту «Северная». Везде были толпы народу, не протолкнуться. И вот я вижу, что мне машет один мой старый знакомый. Он пытается протиснуться ко мне, лицо у него покраснелось, запыхался, бедный. Наконец, мы

оказываемся рядом и он, с трудом переводя дыхание, спрашивает: «Слушай, а с Пушкиным-то что?!». Другой эпизод наглядно демонстрирует, что многим было не до искусства в то время, когда в стране нечего было есть. Молодые, возможно, этого не поймут, ведь они не застали эпоху дефицита. В Новосибирске, где я жил с семьей в 80-е годы, не было практически ничего - пустые полки магазинов. И вот меня пригласили в Кемерово по случаю вручения мне премии Кузбасса. А в Кемерово снабжение было получше. Моя теща, зная это, наказала мне привезти оттуда колбасы. В местном обкоме провели торжественное мероприятие, вручили мне награду, а потом пригласили к первому секретарю. Он у меня спрашивает: «Чего сегодня человеку искусства не хватает для творчества?» Я возьми да и скажи: «Колбасы». Первый, приняв мои слова за чистую монету, зовет к себе помощника и говорит ему: «Видишь этого человека? Это - драматург. Отведи его к начальнику отдела торговли и скажи, чтоб ему дали колбасы». Мы пошли по коридору. Помощник у меня спрашивает: «А сколько вам надо колбасы?» Я дословно вспомнил наказ тещи: «Ну, килограмма три вареной и килограмма два сухой». Заходим к начальнику торгового отдела. Помощник говорит: «Вот, пожалуйста - драматург!» - «И что нужно драматургу?» - спрашивает начальник отдела. - «Колбасы, - отвечает помощник. - Пять килограммов вареной и десять килограммов сухой». Я понял, что помощнику, по-видимому, тоже не хватает колбасы и он решил таким образом сделать себе откат. Начальник торгового отдела, не глядя на меня, спрашивает у помощника: «Сколько человек работает в обкоме?» - «Четыреста». - «А теперь представь, что каждый из них приведет ко мне по драматургу и попросит колбасы. Где ж я столько возьму?».

Проверка Магаданом

nsk.aif.ru: - Герои ваших пьес - либо шахтеры, либо деревенские жители. Почему?

Ю.М.: - Для меня шахтеры - это спрессованная квинтэссенция русского народа. Это особая каста людей, для которых, в отличие от многих интеллигентов, порядочность, достоинство - не просто красивые слова. Я не люблю Чехова и полностью согласен с Варламом Шаламовым в том, что «Чехов - это сопли, слюнявость». И вот эти сопли мы жуем уже больше ста лет. Чехов писал, что в человеке все должно быть прекрасно и, говоря словами Шаламова, «пытался прикрыть покровом благопристойности неблагопристойную жизнь». Но что случилось с читателями Чехова, когда они попадали в сталинские лагеря? На второй день все они чесали «сенечкам» пятки. К чему я это рассказываю? К тому, что одно дело - стремиться к тому, чтобы «все было прекрасно - и лицо, и тело, и одежда», и совсем другое - выдержать издевательства, унижения и не сломаться, суметь сохранить достоинство. Героям Достоевского это было под силу.

nsk.aif.ru: - Но правильно ли подходить ко всему обществу с «лагерными» мерками?

Ю.М.: - В нашем обществе, особенно при таком хаосе, как сейчас, нет никакой гарантии, что не придет еще один человек в мягких сапогах и с усами.

nsk.aif.ru: - Возвращаясь к шахтерам и деревенским жителям: в большой моде у драматургов стиль вербатим. Вы считаете его псевдодокументалистикой?

Ю.М.: - Это направление театральной драматургии родилось в Англии, а потом его подхватили все. Суть в следующем: берут диктофон, едут на завод, на фабрику, в шахту, беседуют с людьми и думают, что таким образом узнают судьбы. Я девять лет отработал в шахте и 30 лет был редактором «Новосибирсктеелефильма» - снимал документальное кино. Я знаю, что никогда перед диктофоном, перед камерой человек не раскроется. Особенно если ему будут задавать вопросы на «жареные» темы. Был такой случай. Один мой

коллега, по совместительству работавший руководителем студенческого театра, приехал с группой на шахту. Как и все интеллигенты, они стали вертеться вокруг «жареных» тем - спрашивать, есть ли в шахтерской среде гомики. Так вот, их просто побили.

nsk.aif.ru: - Наш разговор мы начали с того, что люди все меньше читают и все реже ходят в театр. Вы как автор ощущаете эту тенденцию?

Ю.М. - Наверное, мне повезло со зрителями. В Москве на мою «Зверь-Машку» всегда были аншлаги. В Новосибирске спектакль ставили в «Старом доме». Половина зрителей ушла, но другая половина - осталась и аплодировала. Я считаю своей заслугой, что научил шахтеров читать пьесы. Лет двадцать назад я купил дом в деревне под Болотным. Поначалу у меня были жуткие конфликты с соседями, там было страшное воровство и пьянство. Я стал пытаться говорить с ними по душам. Чтоб подкрепить слова делом, провел по улице водопровод, летом мы все вместе делали пруд. Сейчас деревенские жители вполне даже хорошо ко мне относятся. Так что знает ли человек Пушкина - это мера развития каждого конкретного человека. И прежде всего она - в поступках, в отношении в людям.

nsk.aif.ru: - Вы - успешный и именитый драматург. Почему вы купили не квартиру в Москве, а домик под Болотным?

Ю.М. - Конечно, есть некоторое тщеславие и осознание того, что в Москве можно достичь большей известности, больше заработать. Но настоящая жизнь - не «сопли в сахаре». Она здесь, на земле.

ДОСЬЕ

Юрий Мирошниченко родился в 1942 году в Кузбассе. Работал такелажником в шахте. Окончил ВГИК. Был редактором на студии «Новосибирсктелефильм». Автор пьес о шахтерах и деревенских жителях. Пьесы Мирошниченко идут в столичных и местных театрах. Отличительная черта его драматургии - непридуманность. Живет и работает в Новосибирске.